ОВАНЕС ТУМАНЯН

ШАХ И РАЗНОСЧИК

Перевод С. Шервинский

«Эй, кто не брал?
Бисер, коралл!
Кольцо, браслет,
Любой предмет!
Курят неси,
Меняй, проси!
Всё для девиц,
Для молодиц!
За грош товар.
Хорош товар!»
Разносчик кричит, подзывает народ, —
Таких постоянно встречаешь у нас.
Но этот?.. — змеей по базару ползет
Торговцем одетый властитель Аббас.
«Иголки, нитки! Эй, кому?
Сюда! Недорого возьму!»
— «Браток разносчик! а, браток!
Иголки есть? Продай пучок».
И подошел, ускорив шаг,
К армянке-выселенке шах:
«Острее жал. Каков закал!
Пучок — за хлеб».
— «Ой, обобрал!.»
— «Не спорь, сестрица, о грошах,
Коли тебе твой дорог шах!»
— «Да будь он проклят во все дни!

Господь от шаха нас храни!
Живи, разносчик, много лет,
Но шаха поминать не след…»
— «И зла же у людей в сердцах!
Что вам дурного сделал шах?
Отвел от турка меч лихой,
Вас вывел из Джульфы сухой,
В богатый край переселил,
Заботой всякой окружил…»
— «Закрой, чарчи, свой грешный рот,
О шахе толки прекрати!
Нагрянул он, угнал народ, —
Хоть ногу бы сломал в пути!
По нашим нивам и садам
Прошел, как паводок весной.
Не внял Христу, не внял и нам, —
Всех снял, всех вывел в край чужой.
Замкнули мы дома, дворы,
Ключи забросили в Араз.
Вот обернулись с полгоры
На край родной в последний раз.
Молились: «Богоматерь-свет.
Ты наши кровы соблюди
И, где б наш ни терялся след,
Назад из плена приведи!» —
Так мы молились, а потом,
Вновь оглянувшись, побрели
И под мечом да под кнутом
Толпой к Аразу подошли.
Что море, пенится Араз,

Волну выплескивает вон.
«В брод!» — раздается вдруг приказ.
Самим Аббасом отдан он.
Там, сзади, меч, тут — бездна вод.
Рыданья, вопли… Страшный час…
Стар, млад — все мечутся… И вот,
Обнявшись, кинулись в Араз.
Такую страсть переживать
Не пожелаешь и врагам…
Да не доносятся, видать,
Проклятья наши к небесам…»
И вот изгнанниками вмиг
Аббас смущенный окружен.
Мятежный нарастает крик:
«Будь проклят шах и шахов трон!»
Аббас косится, страшен взгляд,
Угроза прячется в глазах,
Колени у него дрожат,
И мрачно спрашивает шах:
«Вы так ли речь вели о нем?
У всех, бывало, на устах:
Мы в счастье, мол, теперь живем,
Благословен Иран и шах!»
— «Мы лгали, братец! Ты ведь свой,
Чего нам от тебя таить?
А шах — он хищник, зверь лесной, —
Как сердце перед ним раскрыть?
Доколе шах и пленник есть,
Хозяин и наемник есть,
Не могут на земле процвесть

Ни счастье, ни любовь, ни честь».

Взвыл страшно разносчик, отбросил покров —

Встал шах перед пленными, грозно-суров.

Сверкнул ятаган у владыки в руках,

И старец изгнанник простерся во прах.

Доколе шах и пленник есть,

Хозяин и наемник есть,

Не могут на земле процвесть

Ни счастье, ни любовь, ни честь.